

RU

Выражение ближайшего будущего лексическими и грамматическими средствами татарского языка

Лутфуллина Г. Ф.

Аннотация. Цель исследования – определение сочетаемости лексических средств выражения дистантности с грамматическими формами будущего времени в татарском языке. В статье рассматриваются критерии дифференциации временных форм будущего, определяются средства выражения ближней дистантности и их преференциальная сочетаемость с конкретными граммемами. Научная новизна работы определяется первичностью постановки вопроса о выражении ближней дистантности на уровне морфологических и лексических средств в татарском языке. В результате было установлено, что в зоне ближайшего будущего преференциальной является сочетаемость лексических средств малой дистантности с формой неопределенного будущего времени, а большей дистантности – с формой определенного будущего. Репрезентация большего интервала времени имплицитно снижает модальности категоричности реализации действия в будущем, вследствие чего востребованной становится форма будущего определенного. При экспликации малого интервала уверенность в реализации действия является высокой, вследствие чего допускается использование будущего неопределенного. Локализаторы точного интервала свободно сочетаются с обеими формами будущего.

EN

Expressing the near future with lexical and grammatical means of the Tatar language

G. F. Lutfullina

Abstract. The research aims to determine the compatibility of lexical means of expressing remoteness with grammatical forms of the future tense in the Tatar language. The article examines the criteria for differentiating future tense forms, identifies means of expressing near remoteness and their preferential compatibility with specific grammemes. The work is novel in that it is the first one to discuss the expression of near remoteness at the level of morphological and lexical means in the Tatar language. As a result, it was found that in the near future zone, the combination of lexical means of small remoteness with the form of the indefinite future tense is preferred, while greater remoteness is combined with the definite future form. The representation of a larger time interval implies a decrease in the modality of the categoricalness of the action in the future, as a result of which the definite future form is in demand. When explicating a small interval, confidence in the implementation of the action is high, as a result of which the use of the indefinite future form is allowed. Localizers of the exact interval are freely combined with both forms of the future.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена задачами по рассмотрению функционально-семантической категории темпоральности в ее детальных значениях и определяется необходимостью выявления правил сочетаемости морфологических и лексических средств выражения для репрезентации значения ближайшего будущего. Проблема взаимодействия временных форм и лексических средств темпоральности в татарском языкознании ставится впервые. Комплексный подход к реализации категории ближайшего будущего позволяет выделить в ее структуре две базовые составляющие: первая – это временные формы, формирующие общее значение отнесенности к плану будущего, вторая – это лексические средства, выполняющие уточняющую функцию конкретизации темпоральной локализации на оси времени. Исходя из этого, в качестве теоретической основы исследования предлагается обратиться к трудам ученых в области изучения временных форм татарского языка. Считается, что формирование основных параметров временной локализации задается на морфологическом уровне соответствующими граммемами. Они, в свою очередь, определяют, какие лексические средства будут дополнять их значения.

Для непосредственного определения потенциала сочетаемости форм будущего предлагается рассмотрение ста примеров, отобранных в результате сплошной выборки, структура которых включает лексические конкретизаторы и выявление количественных показателей.

Достижение поставленной в рамках статьи цели предусматривает реализацию нижеследующих задач: 1) проанализировать труды лингвистов, занимающихся изучением значений временных форм будущего; 2) определить круг лексических средств выражения ближайшего будущего; 3) количественно проанализировать и выявить предпочтения сочетаемости.

Характер работы, которая предполагает как теоретический анализ, так и практическое исследование, определяет использование описательного метода для дифференциации значений временных граммем, метода семантического анализа для определения лексических индикаторов ближайшего будущего, метода количественного анализа для сопоставления показателей сочетаемости, метода корпусной лингвистики для сбора корпусных данных.

Эмпирическую базу данной работы составляют примеры из Письменного корпуса татарского языка (ПКТЯ. <https://www.corpus.tatar/>).

Теоретическую базу составили исследования отечественных ученых по разрабатываемой проблематике, в которых анализируются теоретические основы дифференциации значений временных граммем футурума А. В. Бондарко (2002), Г. М. Зельдовича (2012), В. А. Плунгяна (2011), Д. Э. Рахматуллиной (2009). Согласно мнению ученых, в репрезентации темпоральных значений на уровне высказывания задействованы как грамматические, так и лексические средства выражения, согласованное взаимодействие которых позволяет передавать любые особенности временной локализации. Проблеме функционирования временных форм татарского языка посвящены работы А. М. Эмировой, Е. С. Ганиевой, А. С. Мазинова (2023), С. Г. Татевосова (2017), Б. К. Миннуллина (2021), Е. В. Шведа (2019). В статье значения временных форм будущего освещаются в соответствии с канонизированной точкой зрения, представленной в томе «Морфология» Татарской грамматики (1993) под редакцией М. З. Закиева.

В практическом плане статья представляет значимость для научных изысканий, направленных на разработку теории темпоральности. Кроме того, материалы и результаты исследования могут использоваться при изучении теоретической и практической грамматики татарского языка в высших учебных заведениях.

Обсуждение и результаты

Критерии дифференциации временных форм будущего в разных языках отличаются разнообразием. Во французском языке выделяют форму непосредственного будущего, образуемую с помощью вспомогательного глагола *aller*, и форму простого будущего со своими окончаниями, критерием выступает близость к моменту речи. В английском языке существуют три граммемы будущего в соответствии с группами временных форм: простое будущее, прогрессивное будущее и перфективное будущее, основанием разграничения является процессность/завершенность. В русском языке различают будущее совершенного и несовершенного вида на основе того же критерия.

В татарском языке основанием для различения двух форм будущего является определенность/неопределенность. Первая форма на *-р* является менее категоричной и неопределенной, тогда как вторая на *-чак* рассматривается как категоричная и определенная. Этот модальный критерий позволяет рассматривать последнюю форму как более вероятную с точки зрения реализации в будущем, то есть ее употребление сигнализирует о большей степени уверенности говорящего.

С. Г. Татевосов рассматривает грамматическую референцию будущего времени в мишарском диалекте татарского языка. По его мнению, как и во многих других языках, будущее I и будущее II не проявляют четких семантических контрастов и демонстрируют перекрывающееся распределение. После обсуждения существующих точек зрения на схожие временные системы в различных языках, установленных в типологической литературе, С. Г. Татевосов (2017) предлагает анализировать будущее II как включающее непроизносимый универсальный модальный квантификатор.

А. М. Эмирова, Е. С. Ганиева, А. С. Мазинов проводят классификацию языковых средств, выражающих одну из базовых онтологических категорий – категорию времени в языковой картине мира крымских татар. Авторы изучают временные маркеры, представленные разными типами языковых средств: именами существительными, прилагательными, наречиями, а также свободными и устойчивыми сочетаниями слов разных типов. Согласно их точке зрения, временные номинаторы в крымскотатарском языке представлены как вербальными, так и и сверхвербальными языковыми единицами (Эмирова, Ганиева, Мазинов, 2023).

Согласно унифицированной точке зрения, предлагаемой искусственным интеллектом Нейро, определенное или категорическое будущее время (билгеле киләчәк заман), образуемое аффиксами *-ачак/-эчәк* и *-ячак/-ячәк*, репрезентирует такое действие, в совершении которого говорящий твердо уверен. Неопределенное будущее время (билгесез киләчәк заман) (образуемое при помощи аффиксов *-ар/-др*, *-ыр / -ер*, *-яр*) репрезентирует меньшую степень уверенности.

В татарском языке отсутствует морфологически выраженное разграничение зон ближайшего и отдаленного будущего, вследствие чего конкретизация осуществляется лексическими средствами (Makhmutova, Lutfullina, 2017).

В данной работе мы определяем зону ближайшего будущего как интервал времени, равный одному дню, следующему от момента речи. На основе этого допущения к индикаторам ближайшего будущего мы относим выражения, содержащие наименование часа, одного дня и наречие с семантикой завтрашнего дня. Они являются относительными, так как не связаны напрямую с моментом речи и могут относиться как к будущему, так и прошлому периоду. Статус наречия завтра можно квалифицировать как абсолютный, так как оно произносится в момент речи.

Мы относим к зоне ближайшего будущего следующие лексические средства: *бер сәгатътән / через час, ике сәгатътән / через два часа, дүрт сәгатътән / через четыре часа, иртәгә/завтра, беркөннән / через день*. Этот список открытый и не является исчерпывающим. Данные единицы произвольно отобраны как базовые на основе единого критерия – выражения ближайшего следования за моментом речи.

Рассмотрим показатели частотности их функционирования в Письменном корпусе татарского языка и потенциал сочетаемости. Для определения последнего показателя анализируется 100 примеров на наличие временной формы определенного или неопределенного будущего в сочетании с конкретным лексическим средством.

(1) «Егерме өче генә үтсен, *иртәгә* барыбер берсен тотып тукмыйм!» – дип, йодрыгын кашып йорде (Гыймадиев А. М. Ниязның рекордлар китабы (ПКТЯ)). / «Пусть наступит двадцать третье число, а завтра все равно одного поймаю и отлуплю!» – он сжал руку в кулак (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Г. Л.).

(2) Ә *иртәгә* без сезгә аның урынына яңаларын әзерләп өлгертербез (Алиш А. Якты күл буге (ПКТЯ)). / А завтра мы подготовим вам новые книги.

(3) Осталыгым ни чамалыдыр, *иртәгә* аудан кайткач әйтерсез (Вергазов А. Үзеңә кайту (ПКТЯ)). / Какой я мастер, скажете вы завтра, когда вернетесь с охоты.

(4) Әмма *иртәгә* кешелек якын Космосны яулап алачак (Тимергалин А. Астрология: сафсата һәм чынбарлык (ПКТЯ)). / Но завтра человечество захватит ближний космос.

(5) Югыйсә *иртәгә* бездән сорау ала башлаячаклар (Вергазов А. Үзеңә кайту (ПКТЯ)). / Иначе завтра нас начнут допрашивать.

Наречие *иртәгә/завтра* имеет 58849 вхождений в ПКТЯ. Распределение сочетаемости по временным формам выглядит следующим образом: с формой настоящего времени – 20% (пример 1); с формой будущего определенного – 10% (примеры 4, 5); с формой будущего неопределенного – 20% (примеры 2, 3). Половина примеров не соответствовала критериям отбора, то есть наречие было связано не с предикатом, а с именами действия.

(6) *Ике сәгатътән* соң булачак (Гыйләжев А. Сайланма әсәрләр (ПКТЯ)). / Появится через два часа.

(7) – Нәкъ *ике сәгатътән* кайтырсыз (Әпсәләмов Г. Сайланма әсәрләр (ПКТЯ)). / – Вернетесь ровно через два часа.

(8) *Ике сәгатътән* Америкага консилиумга очам (Салихов Д. Гыйләж тәрәзәләре (ПКТЯ)). / Через два часа улетаю на консилиум в Америку.

Темпоральный локализатор *ике сәгатътән / через два часа* имеет следующую структуру: числительное + существительное временной семантики в предложном падеже. Он имеет 1466 вхождений в ПКТЯ и сочетается с предикатами в формах: настоящего времени – 20% (пример 8), будущего определенного – 20% (пример 6) и неопределенного – 10% (пример 7). Нами установлено, что примерно в половине примеров данный локализатор сочетается с предикатами в форме прошедшего времени. Однако анализу были подвергнуты только высказывания с семантикой будущего времени.

(9) – *Бер сәгатътән* «Аризона» га килеп_житәм, – диде Роллинг боерган тавыш белән, чыраен сытып (Толстой А. Инженер Гаринның гиперболоиды (Кыям Миңлебаев тәржемәсе) (ПКТЯ)). / – Через час доберусь до «Аризона», – сказал Роллинг приказанным голосом, потирая светильник.

(10) Без *бер сәгатътән* анда булырбыз, – диде (Гобәй Г. Маякчы кызы (ПКТЯ)). / Мы будем там через час.

(11) Иң күбе *бер сәгатътән* кузгалырбыз, кереп алырмын (Исхакова Г. Алтынчы тойгы (ПКТЯ)). / Теперь жди: через час придет следователь из военной прокуратуры... максимум через час.

(12) Житәкчеләр исә сәгать унбердә, ягъни нәкъ *бер сәгатътән* райүзәктә булачаклар (Хөснияр З. Кичү (ПКТЯ)). / Руководители будут находиться в райцентре в одиннадцать часов, то есть ровно через час.

(13) Инде көт: *бер сәгатътән* хәрби прокуратурадан тикшерүче киләчәк... (Хужин И. Алда дембель көтә (ПКТЯ)). / Ждите: через час приедет следователь из военной прокуратуры...

Аналогичный по составу локализатор *бер сәгатътән / через час* значительно уступает по количественному показателю, имея 1446 вхождений в ПКТЯ. Несмотря на наблюдаемую высокую сочетаемость с формами прошедшего времени, при репрезентации семантики будущего времени он демонстрирует преференциальную сочетаемость с формой настоящего времени – 30% (пример 9), затем по убывающей идут формы будущего неопределенного – 15% (примеры 10, 11) и определенного – 5% (примеры 12, 13).

(14) *Дүрт сәгатътән* безне кабат шушы ук «омик» Казанга алып кайтып китәчәк (Тимергалин А. Юл чаты (ПКТЯ)). / Через четыре часа нас снова отвезет этот же теплоход «ОМ-153» в Казань.

(15) – Зарар юк, өч – *дүрт сәгатътән* авыртуы басылыр, дару – май (Гыйматдинова Н. Парлы ялгыз (ПКТЯ)). / – Без вреда, через три-четыре часа боль утихнет, лекарство – жир.

(16) Тагын *дүрт сәгатътән* Ижауда булырлар (Актаныш муниципаль районының мәгълүмат-мөхәррият үзәге сайты. aktanysh-rt.ru (ПКТЯ)). / Через четыре часа они будут в Ижевске.

(17) *Дүрт сәгатътән* соң волостьтан доктор белән бер милиционер килеп_тә_житәләр (Еники Ә. Яз баласы (ПКТЯ)). / Через четыре часа из волости с доктором и один милиционер приехал.

При увеличении показателя числителя в темпоральном локализаторе рассматриваемого нами типа *дурт сэгатътэн / через четыре часа* традиционно наблюдается снижение частотности функционирования, так как пропадает или сильно снижается эффект ближайшего будущего. Увеличение количества часов от момента речи приводит к тому, что интервал времени возрастает и теряется актуальность его обозначения как кратковременного и ближайшего. Данный локализатор имеет 247 вхождений в ПКТЯ. Как любой относительный временной локализатор, он успешно сочетается с формой прошедшего времени – 30%. При выражении следования в будущем он демонстрирует преференцию к форме настоящего времени – 30%, которой количественно уступают комбинации с будущим определенным – 15% и неопределенным – 5%.

Наречие *беркөннэн / через день* имеет всего 4 вхождения в ПКТЯ и функционирует в переносном значении.

(18) Беркөннэн бирле бигрэк курка башладым (Камал Г. Эсэрлэр (ПКТЯ)). / С того дня я начал очень бояться.

Мы решили сопоставить частотность функционирования временных форм будущего на примере произвольно отобранных частотных глаголов:

- *эшләячәк / будет работать* – 15145 вхождений;
- *эшләр/проработает* – 172291 (омонимия – форма множественного числа);
- *укыр / будет читать* – 4836;
- *укыячак/прочтет* – 2490.

Даже на основе выборочного анализа частотности можно предположить о большой функциональной частотности формы неопределенного будущего (172291 и 4836) по сравнению с формой определенного будущего (15145 и 2490). Данный показатель влияет и на частотность сочетаемости с темпоральными локализаторами. Однако при выявлении преференций сочетаемости с темпоральными локализаторами мы опирались на равномерную выборку примеров для каждой временной формы. Данное замечание лишь указывает на неравномерность функционирования форм футурума для выражения простого будущего и, следовательно, ближайшего будущего.

Заключение

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

Наречие *иртәгә/завтра* (58849) как самое частотное одинаково сочетается с настоящим и неопределенным будущим – 20%, меньше с определенным – 10%. Темпоральный локализатор *бер сэгатътэн / через час* (1446) предпочитает форму настоящего времени – 30%, далее будущего неопределенного – 15% и определенного – 5%. Абсолютное наречие и относительный локализатор демонстрируют преференцию к неопределенному будущему, имплицитующему меньшую обязательность. Однако значение минимального интервала и связи с моментом речи предполагают обязательность реализации.

Аналогичный локализатор *ике сэгатътэн / через два часа* (1466) равномерно комбинируется с настоящим и будущим определенным – 20% в отличие от неопределенного – 10%. Локализатор *дурт сэгатътэн / через четыре часа* (247) демонстрирует преференцию к форме настоящего времени – 30%, затем только будущему определенному – 15% и неопределенному – 5%. Данные локализаторы предпочитают сочетаться с определенным будущим, имплицитующим обязательность реализации. Возможно увеличение интервала времени может трактоваться как повод к сомнению в осуществлении действия, вследствие чего необходимой становится более категоричная форма времени.

Таким образом, при выражении ближайшего будущего задействованы лексические темпоральные локализаторы. Они эксплицируют малый интервал времени до будущего события, сочетаясь с будущим неопределенным. При экспликации большего интервала они предпочитают сочетаться с будущим определенным, имплицитующим обязательность.

Перспективы исследования зоны ближайшего будущего видятся в дальнейшем изучении особенностей выражения ближайшего и отдаленного будущего как лексическими, так и грамматическими средствами в сравнительном аспекте.

Источники | References

1. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / Рос. академия наук, Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002.
2. Зельдович Г. М. Прагматика грамматики. М.: Языки славянских культур, 2012.
3. Миннуллин Б. К. Особенности функционирования формы настоящего времени на -а (-а формалы хәзерге заман) в текстах газеты «Кояш» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 1. <https://doi.org/10.30853/phil201006>
4. Плуноян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
5. Рахматуллина Д. Э. Роль предлога в темпоральных предложно-именных группах с семантикой следования в английском языке // Вестник Вятского государственного университета. 2009. № 1.

6. Татарская грамматика: в 3 т. / АН Татарстана, РАН, Казанский научный центр, Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова; под ред. М. З. Закиева. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. Т. 2. Морфология.
7. Татевосов С. Г. Будет, будет и будет: о семантике времени в мишарском диалекте татарского языка // Урал-алтайские исследования. 2017. № 1 (24).
8. Швед Е. В. Будущее-прошедшее время на -джакъ эди крымскотатарского языка в сопоставлении с глагольными формами английского языка // Язык и текст. 2019. Т. 6. № 1. <https://doi.org/10.17759/langt.2019060116>
9. Эмирова А. М., Ганиева Э. С., Мазинов А. С. Категория времени в крымскотатарском языке: универсальное и этнокультурное // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 2. <https://doi.org/10.30853/phil20230050>
10. Makhmutova A. N., Lutfullina A. N. Dependence of pragmatically implied meaning on aspectual-temporal semantics (based on the English and Russian language material) // XLinguae. 2017. Vol. 10. Iss. 1.

Информация об авторах | Author information

Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна¹, д. филол. н., проф.

¹ Казанский государственный энергетический университет

Gulnara Firdavisovna Lutfullina¹, Dr

¹ Kazan State Power Engineering University

¹ gflutfullina@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.10.2024; опубликовано online (published online): 12.11.2024.

Ключевые слова (keywords): будущее время; татарский язык; лексические средства; дистантность в будущем; ближайшее будущее; future tense; Tatar language; lexical means; remoteness in the future; near future.